

Александр Посохов

**220 басен
Посохова**

Александр Посохов
220 басен Посохова

«Автор»

2026

Посохов А.

220 басен Посохова / А. Посохов — «Автор», 2026

Басня – один из самых древних и популярных литературных жанров. За иносказательным рассказом с вымышленными персонажами скрываются, как правило, нравственные и общественные проблемы. В данный сборник вошли басни, написанные автором преимущественно в традиционной форме, но с современной тематикой. А в качестве пролога автор использовал своё стихотворение «Лирика баснописца».

© Посохов А., 2026

© Автор, 2026

Александр Посохов

220 басен Посохова

220 басен Посохова

Москва
2026

Басня – один из самых древних и популярных литературных жанров. За иносказательным рассказом с вымышленными персонажами скрываются, как правило, нравственные и общественные проблемы. В данный сборник вошли басни, написанные автором преимущественно в традиционной форме, но с современной тематикой. А в качестве пролога автор использовал своё стихотворение «Лирика баснописца».

Лирика баснописца

Ну, вот не лирик я, поймите,
По сотворению стихов.
Достал вас баснями, уймите,
Уняться сам я не готов.

Гляжу на звёздные поляны,
На золотые миражи,
А в голове всё обезьяны,
Коровы, змеи и ежи.

Медведи, лошади, лягушки,
Лисицы, зайцы, барсуки,
Собаки, волки, овцы, хрюшки,
Павлины, гуси, индюки.

Вороны, дятлы, попугаи,
Пингвины, голуби, орлы,
И эти, чья судьба такая –
Быть вечно глупыми – ослы.

Слоны, так те, ломая кроны,
В любую басню сами прут.
За ними львы, надев короны,
Туда же царственно идут.

С такими верными друзьями,
С такой компанией зверей
Смеяться я могу годами
Над недостатками людей.

* * *

Чудо из чудес

Чуть сэкономив на провизии,
Купили звери телевизор.

Всем миром взяли, сообща.

Пища,

Крича, визжа и споря,

Во избежание слёз моря

Поставили его на пень.

Пусть, дескать, те, кому не лень,
Из чащи кто или с опушки,

От Волка серого до Мушки,
Сидит и смотрит целый день.

А, может, даже и всю ночь.

Прочь,

Ягоды, грибы, коренья!

Прочь,

Игры, пляски, шутки, пение!

Набравшись жуткого терпения,

Все звери вдруг без исключения,

Как в Библию иль как в Коран,

Уткнулись в голубой экран.

Шёл бесконечный сериал про лес:
Про ягоды, грибы, коренья,

Про игры, пляски, шутки, пение...

Ну, точно, чудо из чудес.

* * *

Про папу и лапу

Год выдался плохим,
Голодным.
И как-то вечером холодным
С дрожащим отпрыском своим
К его отцу Медведица пришла.
И разрыдалась:
– Насилу я тебя нашла.
Вот твой медвежонок, ты его отец,
Без помощи твоей ему конец.
До заморозков чуть осталось,
А нет у нас ни пищи, ни жилья.
Одна его ни в силах я
Ни прокормить, ни обогреть.
– Да я не то, что помогу,
Я сам сожрать его могу,
Если останусь без мясного, –
Взревел в ответ Медведь. –
Тебя, облезлую, я знать не знаю.
И наперёд предупреждаю:
Не вздумай заявиться снова,
Заломаю!

Читательницы, впредь,
Чтоб не сосал сыночек лапу,
Не выбирайте для него медведя-папу.

* * *

Поэт и Боты

Себя давно
Свободной птицей представляя,
В окно
Смотрел поэт,
Ворон считая.
Уж много лет
Он не имел другой работы.
Боты

Сушились тут же на окне.

И говорят они вдруг тихо, сухо:

«Не птица ты, поэт, а муха.

Летаешь с нею наравне,

От койки и окна – к буфету,

А от буфета – к туалету».

* * *

Лиса и Петух

– Нет, нам с тобой не по пути, –

Сказал Петух Лисе-пройдохе. –

Не стану я мешок нести.

Та ж снова принялась за вздохи:

– Да я живу-то шаг всего,

За тем вон крайним поворотом.

А, если ты подумал что-то,

Так я совсем не та давно

И ем теперь одно пшено.

Его полно в мешке и этом.

Кому не надо бы, но мне-то

Ты можешь, Петенька, помочь.

За то позволю на всю ночь

Зайти ко мне и подкормиться.

«Неужто впрямь Лиса постится?» –

Засомневался Петушок.

И, чтобы лично убедиться,

Полез в расставленный мешок.

А дальше было то, дружок,

Что всюду и всегда бывает,

Когда вдруг кто-то забывает

Про чье-то рыльце и пушок.

* * *

Старушки

Раз в дороге,

В электричке,

Перепутав все таблички,
Две старушки,
Как подушки,
Сели друг напротив дружки.

– Ты куда?

– В Москву, а ты?

– Я ж в Калугу из Москвы.

– Вот так здорово!

– Уж, да!

В разны стороны нужда

Нас с тобою завела,

А вагон один дала.

– Ну, голубушка, дела.

Я таких больших чудес

Сроду не видала.

– Значит, шибко ты отстала.

Это ж, матушка, прогресс:

Вместе рядышком сидим,

В разны стороны летим.

И молчи ты, горя мало,

Довезут, куды пристало.

* * *

Акустический садист

В одном лесу и днём, и ночью
Стал Волк вдруг страшно выть, когда захочет.
Притом, как начинает выть,

Так напрочь заглушает соловья
И оглушает даже глухаря.
– Уж лучше б квакал, как лягушка, –
Сказала Цапле прилетевшая из глухомани Выпь. –
Я что-то не пойму, подружка.
Волкам положено выть только на луну,
А этот и на солнце воет.
Собраться должен весь лесной народ
И объявить ему войну.
Пусть знает, что для нас он не артист,
Не птица певчая, а сумасброд
И акустический садист.
Никто не вправе нарушать закон природный.
– А я так думаю, протестовать не стоит.
– Почему?
– Не на того обрушим мы свой общий гнев.
Закон нарушил Лев,
Присвоив Волку звание «Народный».
Хоть нет у Волка никаких заслуг,
Ни голоса, ни слуха.
Но Волк давно – придворный друг
И пьёт со Львом из одного стакана.
А Лев – наш царь, и у него охрана.
Вот и решило всё царёво брюхо:
За звание Волк Льву ягнёнка приволок,
А за какой-нибудь там орден
Пообещал ещё аж целого барана.

* * *

Гвоздь и Магнит

Крик о свободе – только крик.

Как и другие железячки,
Как даже Кнопочки-гордячки,
К Магниту сильному Гвоздочек – прыг,
Прижался плотно и сидит.
Одна забота лишь – следи,
Чтоб ржа тебя не одолела.
Но жизнь такая надоела
Гвоздочку нашему. И вот
Как закричит он, заорёт:
– Довольно нам друг к другу жаться,
Пришла пора и разбежаться,
Хочу познать свободы рай.
Так что, Магнителище, давай,
Меня скорее отпускай!
Обиделся на то Магнит

И недовольно говорит:
– Вот это брат, вот это друг!
Забыл, голубчик, с чьих ты рук
Всё время досыта кормился.
Чьи токи пил, к чему стремился?
Гвоздочек пуще в крик пустился:
– Свободу мне, права и волю!..
Не стал Магнит с ним спорить боле.
Взял, да отторгнул бунтаря.
И зря.
Гвоздочек не освободился:
Как ни цеплялся, ни крепился,
Он тут же прыг – и прилепился
К другому сильному Магниту,
Составив снова только свиту.

* * *

Сапог и Валенок

Кричал на Валенок Сапог:
– А помнишь, как-то ты промок,
Хозяин даже заболел!
– А ты однажды в грязь засел,
Да крепко так!
– Молчи, дурак!
Ведь всё равно
Главнее я!
– Нет, я!
– Нет, я!
– Нет, я!
– Нет, я!..
Напрасно спорили друзья:
На свалке оба и давно.

Себя ты уважать, конечно, можешь,
Но от господ не жди того же:
Слуг старых никому не жаль.
Такая в басне сей мораль.

* * *

Язык и Лопата

Где трудиться не хотят
И не знают толк в работе,
Там Лопата не в почёте,
А Язык почти что свят.

В одном заштатном городишке
Почти разрушились домишки,
А грязь такая, что лишь вброд
По улицам ходил народ.
И вот
Собрался, наконец, всеобщий сход
По поводу того, что делать надо.
– Давайте же засучим рукава,
Я поработать буду только рада, –
Произнесла совковая Лопата.
Но развязавшийся Язык
Враз перебил её и в крик:
– Послушайте меня, друзья!
Необходимо!.. Следует!.. Вперёд!..
Свобода!.. Рынок!.. Инвестиции!..
Недавно побывал там я,
В провинции:
Лопату не видать, Язык орёт.
А что народ?
Всё слушает его который год.
И всё – слова, слова, слова...

* * *

Лев и Моль

Какой-то Лев не от зазнайства,
А от вопроса «быть, не быть?»,
На Север перебрался жить.
И там богатым стал, хозяйство
Огромное завёл.
Олень всегда ему к обеду шёл.
А что в шкафу – так, мать честная:
По сотне всяких свитеров,
Носков,
Штанов
Из шерсти.
Рая
Не надо при добре таком.
А что до чести,
То мороз
Решает правильно вопрос:
Кто не желает околеть,
Тот позволяет силе сметь
И одевается теплее.
Но нет на шерсть заразы злее,
Чем вкривь летающая Моль.
Её пароль –
На вещи дырка.

И всякая большая стирка
Тут совершенно ни при чём.
Случилось то и с нашим Львом.
Одежда стала, будто таять.
И ничего о том не зная,
Что Моль в шкафу имеет дом,
Лев побежал за ней с кнутом.
Догнал – и хлесть её по крыльям,
Заставил снизиться, упасть.
И пасть
Открыл уже в ухмылье.
Как вдруг заговорила Моль:
– Позволь
Сказать тебе пред смертью.
Ты зря со мной свиреп и крут,
Детишки всё мои сожрут.

Равно почти что милосердию –
Использовать так плеть иль кнут.

* * *

Без разрешения

Два деда, Пётр и Илья,
По очереди вышли от врача,
И у обоих ишемия.
Один смеясь, другой ворча,
Но оба по рядочку
Влюбились в медсестру
По имени Мария.
Дед Пётр проснулся поутру,
Поцеловал Марию в щёчку,
В ответ «Ещё хочу...»
А дед Илья пошёл к врачу.
– Скажите, доктор, разве можно
При ишемии заниматься сексом?
– Нельзя! –
Поведал врач открытым текстом.
– А осторожно?
– Никак!
– А Пётр занимается.
– Так он же страхами не мается.

И я того же мнения:
Жизнь коротка,
Хоть что тут говори,
Поэтому живи, люби, твори
Без разрешения!

* * *

Ветеринар

К ветеринару,

На пару

С козочкой своей,

Пришла старушка вековая.

И говорит: «Какая,

Скажи, беда случилась с ней?

Всю жизнь доилася скотина,

Как вдруг уже семь дней

Без молока я.

Уж ты найди, касатик,

В чём причина».

Надев застиранный халатик,

Животный врач давай смотреть.

То есть давай её вертеть,

Козу больную пред собой.

Раз повернул,

За ним другой,

Потом прогнул её дугой.

Рога замерил,

Пульс проверил,

Хвост к позвоночнику задрал.

Коза от боли даже села.

И тут старушка не стерпела:

«Ну что, касатик мой, нашёл?».

В ответ уверенно и смело,

Взяв авторучку, врач сказал:

«Осмотр, бабуля, показал,

Что у тебя теперь козёл».

А я хочу сказать за дело:

Кто сам в работе бестолков,

Тот всюду ищет дураков.

* * *

Пришелец

Кот безымянный, деревенский

Пробрался как-то в город энский

И заглянул там в зоопарк.

Вороний карк,

Навоза горы,

Сараи, чердаки и норы –

Знакомые ему дела.

А тут экзотика пошла,

И изумление.

А перед Львом вообще остолбенение

С бестактным вскриком «У-у, корова!»

– Здорово! –

Сказала женщина с метлой. –

Да это ж Лев, сородич твой.

Немедленно же извинись,

И брысь!

– Простите, – обратился Кот ко Льву. –

Я вас впервые навещаю.

– Да без проблем, родной, прощаю.

– У-у, – снова изумился Кот. –

Она ещё рычать может!..

Какая тут мораль, не знаю.

Но, думаю, что место самому

Такому вот Коту – в хлеву.

* * *

Подхалим

Льстец-подхалим
С начальником своим
Попал в беду:
Еду
Себе искали злые волки.
Это у нас амбары, полки.
А у зверей –
Что Бог послал.
Быстрой
Бежал
Прочь Подхалим.
Начальник же, весьма томим
Огромных габаритов тяжким брюхом,
Был съеден так, что даже мухам
Там нечего уж было есть.
Но лесть
И здесь
Нашла приманку.
Смотря на бранные останки,
Вот что сказал наш Подхалим:
«Мы все скорбим,
Мы не простим,
Мы отомстим,
Дань отдадим...»
(То есть почти и доедим).

* * *

Вопрос

Однажды чей-то жирный Кот
В чужой прокрался огород
И развалился там вальяжно.
Любому Псу тут очень важно
Природный выполнить приказ:
Облаять наглеца, прогнать,
На дерево его загнать.
Так всё и вышло в этот раз.

Так, да не то.
Сидит Кот на высокой ветке
И говорит Псу: – В клетке
Тебя бы надо содержать.
Ты ж непонятно кто!
А лучше бы вообще прикончить.
Ни гончий,
Ни пудель ты, ни фокстерьер,
Ни мопс, ни шпиц, ни бультерьер,
Ни лабрадор, ни волкодав.
Одно и можешь – гав, да гав.
Да собирать ещё объедки.
Не предки
У тебя, а сброд.
И выродок ты редкий
От морды до хвоста.
Ещё такого я не знаю.
Молчал бы вовсе уж, урод,
И убирался в будку.
Не взять меня тебе, ублюдку.
Нос не дорос.
– Ах, так! – взбесился Пёс.
И против жирного Кота
Созвал всю местную собачью стаю.

Вопрос:

Куда теперь тому деваться,

Кто любит сверху издеваться?

* * *

Две валюты

Сцепились как-то в схватке лютой
Известные всем в мире две валюты.
– Я припечатаю тебя одним шлепком.
– Горазда шлёпать ты лишь языком.
Бой начался... Удар, ещё удар...
Всего минута.
И вот уже одна валюта,
Как пьяная или больная,
Лежит в бредовой темноте.
– Да ты ж бессильная совсем, кошмар! –
Сказала, уходя, другая. –
– Печатают тебя не те.

* * *

Не мухи если бы

Один Сизарь
Вдруг вспомнил – встарь
Все голуби в деревне жили
И все здоровы, сыты были.
С отливом грудь,
Во взгляде радость,
В размахе крыльев сила, стать.
А нынче взять –
Не жизнь, а гадость,
Унылый путь
В трубу котельной.

А, может, лучше жить отдельно,
Вдали от города, в глуши.
Воркуй там нежно от души,
Ешь спелую в полях пшеницу,
Пей чистую в пруду водицу...
И городская сроду птица
Умчалась в райский уголок.
Кругом поля, сады, лесок.
И с чистым, теплым чердаком
Красивый, крепкий, сельский дом,
Не небоскрёб, не развалюха.
Вот на него-то Голубок
И сел наш. Тут же села Муха.
Обыкновенная, из местных,
Шмелю мохнатому под стать.
И горожанина кусать
Как напустилась, прямо в темя.
– Эх, первобытное вы племя, –
Обиделся незванный гость.
– Дичь деревенская.
Ни дать, ни взять.
Провинция!
Культурного, видать,
Здесь нету никого.

В столице я
Недавно повстречал его.
Летит, как чуморной,
На горсть
Какой-то дряни возле урны.
Больной,
Худой,
Почти слепой.
Зато... культурный.

* * *

Водка и Горилка

Нашёл Бомж две бутылки –
От Водки и Горилки.
И положил их на ночь рядом.
Одна сверлит другую взглядом
И произносит: «Я вкуснее».
В ответ другая: «Я пьянее».
Одна: «А я моложе».
Другая: «Я дороже».
Одна: «Мне каждый рад,
А ты фальсификат».
Другая: «Я всех чище,
А ты питьё для нищих».
И так они в ночной тиши –
А я... а ты... а я... а ты...
Тут Бомж им выдал от души:
«Кончай базар, давайте спать!
И зараз будем спочивать.
Вы обе дюже хороши,
Когда полны, а не пусты».

* * *

Верблюд в космосе

Известно каждому, в пустыне

Верблюд не пьёт, а всё идёт.
Но кто ж того простит скотине,
Что, как ей в голову взбредёт,
Она плюёт.
И вот
Решил один животновод
Послать Верблюда на Венеру.
Там, дескать, он свою манеру,
Попав в другую атмосферу,
Перерождаясь, изживёт.
Одобрил, поддержал народ.
И ужаснулся через год.
С Венеры так всегда плюют,
Что гаснут звёзды там и тут.

Мораль сей басни все поймут:
Верблюд и в космосе верблюд.

* * *

Дятел и Молоток

Спросил у Дятла Молоток
– Как чувствуешь себя, браток?
– Нормально, брат, пока живой.
– И всё в порядке с головой?
– Бывает, поболит, но мало.
– А мне совсем не в тягость труд.
Вот рукоятка вдруг пропала,
Другую, новую, воткнул.
Боёк вообще же из металла.

С такой заботой век живут.
А твой век короток, приятель.
– Зато, – сказал спокойно Дятел. –
Я отдыхаю и стучу,
Когда и сколько захочу.

* * *

Иван и Таракан

В просторном, светлом, новом доме,
Который выстроил Иван,
Вдруг появился мухи кроме
Большой усатый Таракан.
Иван, избрав почти что ласку
В борьбе с каким-то там жуком,
Навёл под Таракана краску
И перекрасил весь свой дом.
Не видно стало Таракана.
Иван смеётся, так-то, мол.
И с кружкой пива в три стакана
Садиться весело за стол.
Но, что такое, что за номер!
Не ожидал того Иван –
На кружке с краю мухи кроме
Сидит спокойно Таракан.
Опять за кисть Иван берётся
И красит даже муху ту.
Опять за стол, опять смеётся.
А Таракан уже во рту...

Моралью тут

Не удивить:

Не красить надо, а давить.

* * *

Поэт и придурок

Художника обидеть может каждый.

Но не поэта –

Стихи его страшнее лома,

Нет против них приёма!

Однажды,

Летом,

У окна

Меж лестничных площадок

Многоквартирного жилого дома

Один мужик сказал

Другому:

– Курилка тут запрещена,

Не надо нарушать порядок.

Иди на улицу, сосед.

А тот в ответ:

– Иди ты на...

Но не пошёл туда поэт,

А кисть да краску взял

И на двери курильщика намалевал:

«Он бросил в подъезде окурок

И сплюнул во след по-блатному.

Поскольку с рожденья придурок,

Схвативший не ту хромосому».

* * *

Диагноз

Однажды летом, в тёплый день,

В лесу, строительство где шло,

На пень

От срубленной намедни ели

Две птицы рядом сели.

– Ты, Филин, вероятно, спятил, –
Сказал соседу Дятел. –
Зачем ты ухаешь, когда светло,
Кого ты тут пугаешь?
– Ну, как же ты не понимаешь,
Чугунная твоя башка!
Если строителей не запугать,
Они весь лес тогда погубят.
А без него не выжить нам никак.
– Да на твоё им ухање плевать,
Для них ты просто пустобрех.
Где им прикажут, там и рубят.
– А что, если Медведя нам позвать.
Пусть явится сюда хозяин леса,
Закроет стройку и прогонит всех.
– Теперь ты, Филя, точно спятил, –
Поставил свой диагноз Дятел. –
– Каким же надо быть балбесом,
Чтобы того звать на подмогу,
Которому возводят здесь берлогу.

* * *

Учитель

Зимою Голубю немножко
Насыпал кто-то хлеба крошки.
Но вдруг, откуда ни возьмись,
Учитель кушать объявился.
И тут ученья начались.
– Не налетай, не торопись!
Один вот так вот подавился.
А, если б слушать не ленился
И обратился бы ко мне,
Я б показал ему, как есть.
Да подожди ты в стороне,
Не лезь!

Успеешь ты ещё покушать.
И Голубь Воробья стал слушать.
Пока он слушал и смотрел,
Учитель хлебушек весь съел.

* * *

Лисья память

В курятник забралась Лиса.
Но не было в деревне пса,
Который не имел бы весу.
Услышав лай, Лисица – к лесу.
А псы за ней. Не псы, а бесы
В собачьих шкурах.
О курах
Думалось Лисе:
«Стать жертвой из-за них проклятых.
Да пропади они совсем!
Забуду даже, как едят их.
Дай Бог, мне только убежать».
Бог дал и полежать
На бугорке, покрытом мохом.
«Как я могла так думать плохо
О милых птичках, вот дурёха, –
Смеялась над собой Лиса. –
Забывать о курах – чудеса!»

* * *

Казнь

Вот что приснилось ночью мне.
В какой-то сказочной стране,

Чиновничье нарушив братство,
За казнокрадство
Очень быстро
Решили порешить министра.
Но вот оказия –
В день казни
Под виселицей новой
Скамейки не нашлось готовой.
Казнь отложили. Но потом,
Совсем уж наподобие издёвки,
Не оказалось главного – верёвки.
А в третий раз не оказалось мыла.
Пришлось работать топором,
Венчая приговор суровый.
А утром вспомнил я о том,

Что с мылом здесь,

У нас,

Когда-то тоже плохо было.

Зато как хорошо сейчас –

Всё есть,

И воры живы и здоровы!

* * *

Друзья

Однажды утром у плетня

Вдруг говорит Коту Свинья:

– Из нашего двора лишь я

Могу не плакать, не грустить.

Меня уж точно навестить

Хозяин наш не позабудет.
Мы с ним друзья,
И всё, что будет,
Он мне покушать принесёт.
Потом почешет мне живот,
За ухом поскребёт, погладит.
И даже песенку споёт.
– Это чего же ради? –
Воскликнул удивлённо Кот.
– А ради сытости моей.
Под пение я ем живей.
– И делаешься всё жирней, –
Добавил Кот, прочь убегая.

Мораль сей басенки простая:
Не дай нам Бог таких друзей!

* * *

Предел

Шакал,
Прославиться мечтая
И удаль показать свою,
На Льва напал.
Тот безмятежно спал,

Не зная лучше рая.
И вдруг к нему,
Природой данному Царю,
Шакал без спроса прикоснулся.
Лев сразу же проснулся,
Встрепенулся,
Огрызнулся...
Короче, зря Шакал
На Льва напал.
Шакала глупого Лев разодрал
По праву силы и короны.
Узнав об этом, три вороны
С густой ветвистой дуба кроны
Заголосили: «Обороны
Необходимой тут предел
Установить Лев не сумел
И с явным злом его превысил.
А потому Льва, как и любого,
Зайчишку там иль хомячка какого,
Под суд отдать закон велит.
Пусть тоже в клетке посидит».
Услышав сей вердикт,
Лев так взревел,
Что вздрогнули аж тучи.
И вмиг на дерево взлетел

Одним прыжком своим могучим.

«Я покажу вам, где предел

Царя валить со всеми в кучу!»

* * *

Министр и Фея

Я басню новую вам расскажу,
По старой дружбе.

Один Министр мух ловил на службе.

Одну поймал, затем другую,

Потом ещё такую же простую.

И вдруг поймал он золотую,

Всё брюшко у которой золотом горит.

– Я Фея, – Муха говорит. –

Тебя за убиение подруг я не сужу.

Простыми мухами мир переполнен.

Меня ж отпустишь, вмиг исполню,

Что пожелаешь.

– А не обманешь? –

– Нет, исключено.

В устройстве добрых дел враньё

Распознаётся быстро.

– Тогда, вот пожелание моё:

Хочу я не работать, но иметь

Как минимум доход министра.

– Задачу поняла, могу лететь?

– Лети, но исполнение приму по акту.

– А всё и так уже исполнено по факту, –

Сказала Муха, вылетев в окно.

Грешно при бедности других

Просить себе того богатства, что давно

Уже имеется в избытке у самих.

* * *

Конфуз

Пёс пудель Бим

Был страсть любим

В среде ценителей от Бога.
Он рисовал давно и много,
Имел и звания и фонд.
Им восторгался весь бомонд
В Москве, в Париже, в Праге, в Риме.
В энциклопедии о Биме
Была аж целая статья.
Житья
Такого псам другим
Желал от сердца славный Бим.
И тут-то с ним,
Уже седым,
Конфуз обидный приключился.
Та баня, где он раньше мылся,
За подворотнею как раз,
Его поддела на заказ.
Примерно год художник бился
С идеей, с красками, с собой.
И в результате получился
Пейзаж с болонкой, как живой.
Повесили картину в бане.
А через день несут назад.
– Клиенты наши говорят:
«Давайте даму в крупном плане.
Не полубоком, а с хвоста.

И чтобы шерсть не так густа...»

Идея басни сей проста:
Работа для таких судей
Не стоит никаких идей.

* * *

Индюк и куры

Он стар уж был, дурён собою.

Подолгу, съёжившись, стоял.

И точно знал,

Готов к убою.

Но вдруг огонь его пронял.

Последний, видимо, пред гробом.

Шла мимо Квочка с толстым зобом,

И он ей прямо так сказал,

Пониже опустив «соплю»:

– Люблю, люблю, люблю.

Детей я наших прокормлю...

Когда ж у Квочки той снеслись

Два подозрительных яйца,

Все куры-дуры понеслись

Оповестить о том отца.

А тот, бедняга, выдал номер –

Взял срочно, да и помер.

Читатели, я не учу.

И без меня вас тем балуют.

Но дать совет один хочу:
Сопливых вовремя целуют.

* * *

Общий род

В каком-то сказочном краю,
Как и положено царю,
Без компенсаций, просто даром,
Могучий Лев одним ударом
Сдирает шкуры со зверья.
Тем мало нижнего белья:
И холодно, и стыдно,
И больно, и обидно.
Но делать нечего, идут
Туда, где царствует Кот-плут.
Тот всё, что нужно, продаёт.
Но тоже так при том сдерёт,
Что сразу видно – Лев и Кот
Один имеют общий род.

* * *

Старики и патриоты

В порядке якобы демократизма
Собрал Медведь Лесной Совет
По состоянию патриотизма.
Приглашена была чиновничья элита,
То есть одна Медвежья свита.
«Проблем с патриотизмом нет.
Такой любви к родному лесу, как у нас,

Сейчас не сыщешь в целом свете.
И лес и вас, хозяина, защитника, отца,
Народ наш чтит, как никогда.
И славить подготовлен без конца»
С трусливой лестью на Совете
Заверили Медведя господу.
– А я осмелюсь вставить без прикрас, –
Вдруг как оплошность в общем хоре
Раздался клич Сова,
Лесных финансов всех главы. –
Непатриотов надо изводить,
Не спорю.
В том преуспели мы, не буду повторять.
Но есть ещё постыдные примеры:
Проблему создают пенсионеры,
Которые всё продолжают жить и жить.
А лишних денег нет в бюджете,
Чтоб пенсии подолгу им платить.
При этом они вредные такие,
Нужду и голод не хотят терпеть.
Со ссылкой на леса другие
Грозятся, если пенсии им не поднять,
Все просеки и трассы перекрыть.
Не знаю даже, что и предложить.
– Я знаю, – недовольно проревел Медведь.
И тут же подписал Указ в пять слов:
«Пенсионеров-стариков
Из патриотов исключить!»

Хотя вопрос совсем не в том, кто патриот:
Для власти, что не представляет весь народ,
И прочего безнравственного руководства
Все старики всегда – отходы производства.

* * *

Слон и Паук

Гостей незваных жизнь полна.

Однажды в доме у Слона,

На стенке, прямо за карнизом,

Без спроса, паспорта и визы,

Без «здрасьте» и пожатий рук

Возник Паук.

Слон глянул на него беспечно,

Вздыхнул, зевнул, газету взял

И добродушно так сказал:

– А, Бог с тобой, живи хоть вечно.

Коль ты не враг, так друг.

Того и ждал Паук.

Слова услышав эти,

Плести он начал сети.

Сперва карниз весь переплёл,

Причём, довольно шустро.

Затем два кресла, стулья, стол,

Часы с кукушкой, люстру.

И принялся уж за кровать.

Слону, конечно, надо б встать,

Да просто сдунуть Паука.

Но не решиться он никак

Обидеть злую кроху.

С досады даже охнул

И поругал себя.

Паук же, медлить не любя,

Связал слоновью тушу

И целый век свой кушал.

* * *

Портной

Какой-то Ёж, сочтя иголки,
Что были на его спине,
А также то сочтя, что не
Хватает будто бы портных
И потому вещей простых,
Решил начать кроить и шить.
И вот к весне на барахолке,
Благодаря которой можно жить,
Не расточаясь на поклоны,
Вдруг появились панталоны.
«Весенние» назвал их Ёж.
– За что так здорово дерёшь? –
Спросила у него Коза.
Но, услышав в ответ: «Глаза
Протри и посмотри, что за
Тобой уж очередь стоит»,
Добавила: – Ну, паразит!
Завёртывай давай.
Прошло полгода. Рай,
Везение
Ежу сполна на барахолке.
Те ж панталоны, с той же полки,
Он продаёт дороже вдвое.
Название-то у штанов другое –
«Осенние».

* * *

Костёр

Сказал приятелю Иван:

– Нет, я не изверг, не болван.

Плевать мне на привычки, моду.

Не стану я губить природу,

Как это было до сих пор.

Так он и сделал. Взял топор,

На всякий случай, водку, спички,

И на последней электричке

Уехал в лес. Чтоб там, на месте,

С несрубленной ёлкой вместе

Культурно встретить Новый год.

И вот

Пред ним красавица живая,

Ветвистая, пушистая, прямая,

Стоит, в сугробе утопая.

На ней игрушки представляя,

Иван всю водку выпил сходу.

За Новый год, за мать-природу,

За дружбу с нею, так сказать.

Но всё равно стал замерзать.

Зима – не лето...

До рассвета

Горел из ёлочки костёр.

Мораль сей басни вне сюжета:

Мороз в лесу – не приговор,

Когда есть спички и топор,
И эта, как её, ну эта...

* * *

Гиена и Елена

Гиена встретила Елену,

Которая в ночную смену

Клиентов поджидала у Кремля.

– И носит же таких Земля,

Шалав бесстыжих и срамных! –

Не совладав с собой,

В сердцах произнесла Гиена.

– Пасть, старая, закрой.

А то как пну под дых! –

В ответ оскалилась Елена.

Гиена тоже, как гиена,

Клыками гневно повела

И недовольная ушла.

Сказав, однако, перед тем:

– Твой труп охотно бы я съела.

А так, гуляй и дальше смело.

Живую падаль я не ем.

* * *

Диво

Известно всем, что рыболовы

Раздуть успех всегда готовы.

Намедни

Бреднем

Сообща,

Поймали трое вдруг леща.

Удачи больше не ища,

Смотаться тут они решили.

Потом леща распотрошили

И, как то принято давно,

Повесили его в окно.

Пусть, дескать, сушится до пива.

А вышло вот какое диво.

Под стать вестям их там и сям

С враньём великим пополам

Лещ дулся, рос и расширялся,

На всё окно распространялся,

Всё больше затемняя дом

И отравляя воздух в нём

Гнильём.

Кто с ложью в жизни заодно,

Тому и душно, и темно.

* * *

Свинья в бане

Решила вдруг свинья Маланья

На баню обратить внимание.

Довольно, дескать, всем на смех

Быть постоянно с грязным рылом.

Пора воспользоваться мылом.

У Мишки баня не для всех.

Поддашь парку, как говорится,

И можно запросто свариться.

– Ну, что ж, попробуй, но смотри,

От жару там не угори, –

Предупредил Медведь Маланью.

Весь день до самоистязания

Свинья скоблилась, растиралась,

Дубовым веником хлесталась.

Но всё равно ей всё казалось,

Что где-то грязь ещё осталась.

Спасли её при издыхании...

Такая баня не по мне.

Кому-то лучше, как свинье,

В грязи валяться, а не вне.

* * *

Засада

Узнав про жалобы на Волка,

Решил Лев прямо, без умолка,

Сам о злодее рассказать.

То есть наглядно показать,

Как выглядит бандит.

И вот под руководством Льва

В лесу был установлен щит

С изображением злодея.

И были на щите слова

О том, какой ужасный Волк,

Какой он хищник, троглодит.

С тех пор, на тот портрет глаза,

К щиту, кто подбежит,

Спустя мгновение

Растерзанный лежит.

Какой в сей басне толк?

Не знаю. Но у меня есть подозрение,

Что за таким щитом,

Как за кустом,

Сам страшный хищник и сидит.

* * *

Перья

Всё. Надоело. Не могу.

Довольно. Хватит. Убегу!..

И убежал он

За кордон.

Без дела там он

Пошатался.

Как что-то где-то поболтался.

Куда-то чем-то окунулся.

И вновь на родину вернулся.

По старым улицам идёт,

Но ничего не узнаёт.

Запутался, устал, согнулся,

Раз сто без толку обернулся,

Примерно столько же запнулся,

Не отдохнул, не пообедал.

А тут ещё Ворона эта.

Следит, как будто он не свой.

И каркает над головой

С охотой явной заклевать,

А не обнять, поцеловать

Прибывшего из далека

Полуживого земляка.

Хотел Ворону он прогнать,

Да, вот беда, забыл, как звать

По-русски эту птицу злую.

Тогда он ей,
Являя злость свою,

Кричит с чужим акцентом: «Эй!
Перья, кыш отсюда!»

А та в ответ: «Привет, Иуда!

Отбросы я всегда клюю,

А не целую».

* * *

Редактор и Трактор

Какой-то работающий Трактор за весну
Вспахать задумал целину.
Чтоб возвращать на ней полезную культуру.
Не для себя, конечно, для людей.
Но не учёл он ту натуру,
Которую имел Редактор
Всех местных земледельческих работ.
И вот
Стоит на поле Трактор
И получает от начальства нагоняй:
– Всё, отпахал, ретивый, на себя пеняй,
Не надо было лезть, куда не просят.
Одни проблемы от твоих идей.
Согласен, каждого заносит,
Ну в грязь, ну в яму, ну в кювет.
Тебя ж в бурьян зачем-то потащило.
Ума в тебе, как видно, никакого нет.
Зато в две сотни лошадей
Есть необузданная сила.
Так я её убавлю быстро.
Солью бензин и ни канистры
Ты не получишь больше впредь.
И после этих слов Редактор
Сливную крышку стал вертеть.
Взревел на то мгновенно Трактор
И резко двинулся вперёд,
Вскрывая землю крупными пластами...

Великий наш чиновник-господин,
Коль ты имеешь властный чин,
Напутствуй, помогай, учи.
А не чини препятствий доброй силе.
Иначе, что б ни говорили,
Рискуешь, как Редактор тот,
Попасть под Трактор вместе с сорняками.

* * *

Паук и Муха

Спросила Муха
На лету у Паука:

– Зачем в дни эти

Всё новые плетёшь ты сети?
Уж стынть давно, зима близка.
– Не слышу я тебя, старуха, –
Тугим на ухо
Притворясь,
Пробормотал Паук. –
Не мельтеши и не жужжи.
Сядь рядом и скажи,
Что именно тебя тревожит?
Я мухам друг
И помогу, быть может.
– Ась? –
Взаправду будучи слегка глухой,
Переспросила Муха.
И села
Рядышком на сук,
Где в паутине было всё вокруг.
Вмиг на неё напал Паук.
Взлететь она успела,
Да от испуга в сторону не ту.
Уткнулась прямо в сети,
Вскрикнув «Ой!».
– Вот для чего я их плету, –
Признался, наконец, Паук,
Связав добыче крылья, лапки.

Бабки,
Доверчивые, милые старушки,
Держите ушки на макушке:
Злодеи не перевелись на свете.

* * *

Мышеловка

В квартире на Тверской,
В столице,
Вдруг мышка завелась.
Поймать её живой
Не получилось – удирала ловко.
Одна, но всё-таки нашлась
У старого соседа мышеловка.
Наткнули ломтик сыра на крючок
И подложили к норке в половице.
Неделю ждут – молчок.
Сыр заменили на кусочек сала.
И с ним зря мышеловка простояла.
Не соблазнилась жертва и сосиской.
Однако Бог помог –
Кремль оказался близко.
Сходил туда сосед
В обед
И выпросил чуток
Колбаски, что осталась
От трапезы вельмож.
И что ж?
Лишь насадили ту колбаску на крючок,
Как мышка сразу и попалась!

Мораль:

Хвостатую, конечно, жаль.
Но в жизни так вот и бывает –
Власть серых мышек убивает.

* * *

Секрет

Лежит Кот сутками и дремлет,
Встаёт лишь ночью иногда.
Работу, труд он не приемлет,
Лень обессилила Кота.
На что его ещё хватает,
Так это только кошки знают.
И вдруг ранёхонько наведни
Зашёл к нему Петух соседний.
– Я от актива, – говорит. –
Вопрос у нас один стоит.
Мы вот хотим тебя спросить,
Когда начнёшь мышей ловить?
– А никогда! И так я сыт,

Упитан, крепок и здоров
Без ваших мелких грызунов.
– И в чём сей сытости секрет?
– Секрета никакого нет.
Не будь, сосед,
Таким наивным:
Все кошки для котов
Весьма гостеприимны.

* * *

Горе

Ошибки совершает каждый.

Однажды
Решил Всевышний наш Творец
Вражде смертельной положить конец.
И повелел всем сущим в мире жить.
Не есть друг друга, а дружить.
Протестовать и вслух тужить
Не всякий сразу же решался.
Вот и якшался,
Кто с кем мог.
В иное б время на порог
Друг друга даже не пустили.
А тут как будто всё простили,
Живут в согласии, в ладу...
– Да лучше нам гореть в аду! –
Послышалось, однако, вскоре.
Вопили все вокруг, слёз – море.
А в чём же горе?
Горе в том,
Что не друзья фазан с орлом,
Кобыла с волком, лань со львом,
Комар с лягушкой, жук с кротом,
Карась со щукой, мышь с котом,
А человек – тот со скотом.

* * *

Вожак

Расправив чёрное крыло,
Летал он смело за село.
Кричал довольно громко.
Слова во рту не комкал.
От стаи он не отставал.
Поля вокруг неплохо знал.

И молод был при всём при том.
Вот потому-то вожаком
И выбрали его когда-то.
Но как ни сунутся с той даты
К нему в казённый кабинет,
Так Галка-секретарь в ответ:
– Прошу, товарищи, потише.
Его с утра сегодня нет.
То есть он есть, но он всё пишет
И приказал не отвлекать.
На юг когда же улетать
Пришла пора, к нему опять
Вся стая с криком заявила.
Но Галка снова заступилась:
– Его с утра сегодня нет.
– Да как же это? Столько лет
Срывались дружною мы стаей.
– Сейчас, минуточку, узнаю.
И Галка тихо в кабинет
Вошла и вышла задом вспять.
– Он приказал вам передать:
«Пусть улетают без меня».

Брехня,
Что можно, в небо не маня
Своим натруженным крылом,
Быть вожаком.

* * *

Орёл и Ворон

Борца за жизнь присвоив честь,
Задумал Ворон ясность внести
И справедливость в быт пернатых.
Кому-то всё – и власть, и лесть,
И до отвала всласть поесть,
Кому-то ж – ничего. И в виноватых
Такой беды, такого зла
Признал он гордого Орла.
Три года Ворон наблюдал,
Следил, шпионил, выявлял:
Вот сделал то Орёл, вот это,
Зайчиху съел зимой, а зайца летом.
Козла он ободрал, козу прогнал,
Лису от скуки заклевал.
Помалкивал борец при этом,
Но всё записывал рядком.
Когда ж три тома набрались,

Предстал он с ними пред Орлом.
Тот выслушал его сурово
И, не сказав вообще ни слова,
Когтищи сжал,
И Ворон стих.

Вот так всегда в борьбе за жизнь:
Один – не хил, другой – не лих.

* * *

Богоявление

Давным-давно один ваятель
Старинный Бахуса приятель
Чего-то вылепил, как смог,
И всем сказал, что это бог.
Но видно было, что не тот
У образа сего живот,

И зад не тот, и рот,
И голова наоборот,
Не бог, короче, а урод.
Но восприимчивый народ
И на такого стал молиться,
К перстам холодным так и льнёт.
И вдруг сам Бог сошёл на Землю,
И что он видит – люди внемлют

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.